

А

Операция Красной Армии против японской Квантунской армии (на основе материалов газеты «Амурская правда»)

© 2010

И. Чернышев

Данная статья отражает характер освещения газетой «Амурская правда» операции Красной Армии по освобождению Северо-Восточного Китая от японских милитаристов. Основу статьи составляют материалы газеты за август-октябрь 1945 г., написанные корреспондентами ТАСС, амурскими журналистами и непосредственными участниками операции. Статья вводит в научный оборот имена авторов и содержание текстов.

Ключевые слова: Амурская правда, Красная Армия, Квантунская армия, освобождение, Манчжурия.

This article is devoted the “Amurskaya pravda’s” interpretation of the deliverance by the Red Army of the south-east China from the Japanese militarists. The article is based on the 1945 august-october paper by TASU’s corresponsder’s materials, Amur journalists, and the immediate participants of the operation. The article introduces the author’s names and the matter of texts to the science.

Key words: Amurskaya Pravda, Red Army, Qwantun Army, delivery, Manchuria.

Если для европейской России боевые действия Второй Мировой войны закончилась 9 мая 1945 года, то для приграничных территорий российского Дальнего Востока период с мая по август 1945 был периодом подготовки военной операции против японской Квантунской армии в Северном Китае – Маньчжурии, Корее, Северном Сахалине и Курильских островах.

В час ночи 9-го августа начали наступление войска Забайкальского и I-го Дальневосточного фронтов. В это же время в составе II-го

Дальневосточного фронта с плацдармов в Еврейской АО пошли в наступление на Харбин 15 армия и на Жаохе – Баоцин 5-й стрелковый корпус.¹ Дислоцированные в Приамурье Войска 2-й Краснознамённой армии до 11 августа имели задачу оборонять рубеж по государственной границе от

Чернышев Иван Евгеньевич – старший преподаватель Амурского государственного университета

Благовещенска до Пояркова.² 9, 10 августа десантные группы Краснознамённой Амурской военной флотилии, составленные из моряков и пограничников, уничтожили большинство японских полицейских пограничных постов и смертников в верхнем и среднем Амуре.³ В это время «армия вела боевые действия за овладение многочисленными островами и плацдармом на противоположном берегу Амура». ⁴ Ранним утром 11 августа после массированной артиллерийской подготовки началась переправа через Амур войск 2-й Краснознамённой Армии из районов Благовещенска и Константиновки в направлениях Сахалин – Айгунь – Сунью – Бэйфньчжень (Бэйань) – Цицикар - Мэргэн.

Амурская пресса стала прифронтовой. В ней ежедневно печатались оперативные сводки Совинформбюро, правительственные сообщения, приказы Верховного Главнокомандующего Красной Армии. В каждом номере выходили статьи, заметки, очерки, донёсшие до наших дней живые подробности тех боёв, наполняющие жизненными деталями то, что мы называем теперь «освобождение китайского народа от японских милитаристов». В качестве авторов выступали и журналисты «Амурской правды», и спецкоры ТАСС, и непосредственные участники военных действий. В материалах прослеживается ход операции на территории Китая, Кореи, Южного Сахалина, Курильских островов. В публикациях отражены ожесточённый характер боёв, героизм красноармейцев, сопротивление японцев и их капитуляция, торжества в Москве, Китае и Благовещенске.

12 августа «Амурская правда» опубликовала статью Филарета Полоскова «В прифронтовом городе». «Мы живем на границе... Только река Амур, только каких-нибудь семьсот метров пространства отделяют нас от другого, чужого мира, где хозяйничали японские милитаристы. Всего семьсот метров! И мы постоянно помнили и знали, что японцы денно и нощно готовились к войне за завоевание «азиатского пространства», за завоевание всего мира». Очевидно, корреспондент был прав. Освобождавший город Жаохэ старший лейтенант Лисенков в своей заметке от 7 ноября писал, что в японских казармах среди разбросанных книг нашел «... учебник русского языка с японскими пояснениями. Многие места в этой книге подчеркнуты, заложены бумажками. Японских солдат учили русскому языку. Из них готовили завоевателей Дальнего Востока и Сибири».⁵ О милитаристских стремлениях японцев свидетельствует и сам Плосков в путевой записке «Дорога в Мегрэнь» от 23 сентября. «Мимо то и дело виднеются различные военные укрепления – свидетельства бешеной подготовки к нападению на нашу страну. Мы едем по Айгуню мимо вокзала. Всякий, даже сугубо гражданский человек, скажет, что строители этого вокзала меньше всего заботились об удобстве пассажиров, а больше думали о том, как бы сделать это здание сосредоточием мощного огня. Айгуньский вокзал – это огромный дот, мощный бастион. В нем есть окна, но, когда присмотришься поближе, то становится понятно, что они предназначены не для того, чтобы пропускать свет, а для стрельбы из артиллерийских орудий. Окна – амбразуры!»

Филарет Плосков так описывает Благовещенск и благовещенцев начала военных действий. «Эта война началась утром 9 августа. Несмотря на то, что наш неприятель был буквально рядом, Благовещенск оставался спокойным. Люди самозабвенно трудились на предприятиях и в учреждениях, заботились о противовоздушной обороне, об отражении возможного нападения врага. Никто не дрогнул, когда на рассвете 10 августа загрели пушки. Матери и дети спокойно прошли в бомбоубежища, мужчины и женщины были на

своих местах. Одна женщина рассказывала мне: «Все вели себя хорошо. Наше бомбоубежище в огороде расположено, так, знаете, в огороде ни одного кустика картошки, ни одного растения не испортили, а ведь приходили почти со всего квартала. Так спокойно все шли, осторожно, по тропкам, по дорожкам... Старики и девушки, матери и подростки дежурили на крышах на случай бомбардировки, они бесстрашно несли свою вахту...».

Информация Плоскова об ответных действиях японцев свидетельствует, что они «... не выдержали наших ударов. Напротив Благовещенска на южном берегу Амура в городе Сахалин (ныне Хэйхэ – прим. И.Ч.), они начали в бессильной злобе жечь и разрушать предприятия. Всю ночь на 10 августа над Сахалином стояло зарево пожаров». Об этом же сообщают форсировавшие Амур майор А. Терехин и старший лейтенант В. Байдерин: «Японские купцы, содержатели публичных домов и прочие мастера жульничества и закабаления трудящихся перед занятием этого города Красной Армией подожгли магазины, некоторые дома. Всё, что могли, они вывезли, что не могли вывезти – разбили и уничтожили. Сейчас советская военная комендатура прилагает все усилия к тому, чтобы жизнь города вошла в нормальную колею, чтобы предприятия и учреждения работали нормально, чтобы были изжиты случаи грабежа и краж».⁶

Особую историческую ценность сегодня для нас представляют свежие впечатления советских людей, описывающих представшую перед ними жизнь простых китайцев. Авторов поразила жуткая нищета китайского населения, грязь, антисанитария на улицах и в домах, бесчеловечное отношение к японцев местному населению.

По свидетельству специального корреспондента «Амурской правды» З. Петрова все китайские деревни, стоящие вдоль Амура, были окопаны глубокой траншеей. «... И взрослых, и детей, осмелившихся перейти заветную черту, японцы расстреливали из винтовок и автоматов. Из деревни был только один выход, около которого стоял самурайский пост. Там велась регистрация и обыск всех, кто ехал или шел в поле, пахать, сеять или

собирать урожай. Отлучаться подальше в сопки за дикоросами или на охоту, переезжать из одной деревни в другую китайцам не разрешалось».⁷

Приведём еще несколько выдержек.

«Мы беседовали со старым китайцем Янь Ю-чином. В его семье трое детей, старшему из которых 17 лет. Семья обрабатывает 2,5 шана (примерно 1,25 га). Землю она арендовала у японской управы... Года три назад Янь Ю-чин захотел выпутаться из долгов и приобрести хотя бы маленький клочок земли. И он продал двух своих дочерей. Одну увезли в Японию на ткацкую фабрику. Другая угодила в сахалинский дом терпимости, хозяином которого был японец. Но китаец не выпутался из долгов, не купил земли».⁸

«... китаец рассказал: «В 1944 году японцы отобрали у местного населения весь урожай. На каждую семью оставили всего по 35 фунтов кукурузы на месяц, а риса вовсе не полагалось. Японцы не считали нас людьми. В наших районах японцы ввели гужевую повинность. Каждый китаец обязан был работать на строительстве дорог или военных укреплений. Тот, кто не мог работать по состоянию здоровья, обязан был уплатить налог в размере годового дохода крестьянской семьи. На некоторых военных объектах все рабочие по окончании работ расстреливались».⁹

Свидетельства об уничтожении японцами китайских рабочих имеются и в других газетных материалах того периода. Филарет Плосков в одной из путевых записок «Из жизни китайца» от 23 сентября пишет о расстрелах после строительства Шаньго-о-туньского военного городка в 40-ка км от Сахалина. Кого не казнили, перегнали на другие объекты в Айгуне и десятках других мест, но, со слов китайцев, ««особо опасных» рабов, знающих расположение укреплений, японцы расстреливали, чтобы избавиться от лишних свидетелей. Вернуться удалось только единицам, счастливым, случайно избежавшим смерти».

Имели место в амурской прессе и повествования о фактах, мягко говоря, вызывающих сомненья. Так Н. Буртасов в своей заметке «Из Сахалина» рассказывает о встрече с дочерью русских эмигрантов Юлии,

родившейся в этом городе. Автор утверждает, что девушка, закончившая Харбинскую гимназию, ничего не знала о Горьком и Маяковском, а М.Ю. Лермонтова считала плохим писателем (только писателем, вовсе не поэтом). Это очевидный пропагандистский перегиб. Смею утверждать, что, если Юлия действительно закончила харбинскую гимназию, такого не может. Я знаком со многими русскими харбинцами-эмигрантами. Все эти глубоко и разносторонне образованные люди основной багаж знаний вынесли из русских харбинских образовательных учреждений. Даже в период японской оккупации «... идеология Ван-Дао, проповедовавшая «мирное сотрудничество всех наций и народов» под эгидой Японии, способствовала достаточно лояльному отношению японских властей к деятельности русской школы, делавшей все возможное для сохранения и приумножения русских духовных традиций и культуры дореволюционной России». ¹⁰ Утверждения же Н. Буртасова о том, что «... японцы не только скрывали от местных жителей все о жизни Советского Союза, но и вели бешеную пропаганду против нас», что эмигрантка Юлия Ленинград называла Петроградом и была уверена, что с набережной Невы снесли памятник Петру-I, вполне могло соответствовать действительности. Русские люди в Маньчжурии хоть и не подвергались таким унижениям, как китайцы, однако жили тоже далеко не просто. Но об этом в амурской прессе того времени ничего не писалось. Упоминается вскользь только о помощи русских эмигрантов при овладении Харбином. Так что юная эмигрантка Юлия из Сахаляна («... одета она, как и ее подруги, бедно: темно-коричневое ситцевое платье перепоясано ремешком, на ногах – туфли на деревянной подошве») в амурской прессе августа 1945 года осталась единственной в своем роде.

Местное население радостно встречало освободителей. Об этом рассказывается почти в каждой публикации. «Впервые мы подъехали к городу Сяосуньфинхэ, когда передовые части н-ского соединения только что выбили отсюда японцев. - Пишет спецкор ТАСС П. Макрушенко. - С противоположной стороны города ещё доносились артиллерийская и

пулеметная стрельба, треск автоматов. Но, несмотря на продолжающуюся стрельбу, навстречу входившим в город воинам Красной Армии хлынула толпа китайцев – мужчин и женщин. Их перегоняли ватаги полураздетых ребятишек. У китайцев прикреплены к одежде красные ленточки, на рукавах – повязки, многие держали в руках красные флажки. Женщины подходили к нашим солдатам, предлагали холодную воду. Это, пожалуй, единственное угощение, которое могла предложить своим освободителям китайская беднота, ограбленная до нитки японскими оккупантами».¹¹ «Мы были свидетелями волнующей картины. – Рассказывают капитаны Красной Армии В. Шашкин и В. Топильский. - Навстречу нашим танкистам вышла пестрая толпа китайцев. Мужчины несли дымящиеся трубки с мундштуками, юноши – тарелки с угощениями. Женщины высоко поднимали детей. Когда толпа приблизилась, женщины разостлали принесенный с собою ковер, мужчины поставили угощение и, обнажив голову, приглашали к коврику воинов».¹² В Чанчуне «... несмотря на проливной дождь, тротуары были заполнены местными жителями, восторженно приветствовавшими победителей».¹³ Корейцы тоже приветствовали советских моряков. Освобождавший корейский город-порт Расин И. Четверяков писал: «Местное население тепло встречает советских воинов. К морякам приходят делегации местных жителей, приносят подарки, предлагают свои услуги».¹⁴

В настоящее время китайское телевидение демонстрирует многочисленные сериалы об организованной героической борьбе китайского народа против японских захватчиков. Быть может, в Центральном и Южном Китае что-то подобное действительно имело место. Очевидно, китайцы пытались сопротивляться и в приграничных с СССР районах. Об этом, в частности, имеется свидетельство в статье Филарета Плоскова «Конец самурая» от 7 октября 1945 г. При осмотре японской школы в Сахалине внимание журналиста привлекла одна из фотографий японского полицейского. «На ней были видны отрубленные головы шести китайцев, надетые на гвозди и выставленные на показ в уездном городе Тэли. Под

отрубленными головами на большой фанерной доске – объявление о том, что шестеро китайцев, назвавшись лесорубами и воспользовавшись небдительностью полицейских, захватили на полицейском посту все винтовки и патроны, ушли в сопки, и что их в районе Сулунь поймал японский полицейский караульный отряд. «Руководителю Ша Вэньдэ и остальным пяти были отрублены головы, о чём и доводится до всеобщего сведения»». ¹⁵ Фото датировании 1940 г. Надо пролагать, подобная самоотверженность китайских патриотов носила не единичный характер, но, исходя из анализа советских публикаций 1945 г., в Маньчжурии Красная Армия со стороны китайцев широкой военной поддержки не получила. Они лишь помогали выявлять и ловить японских диверсантов и бежавших пленных.

В газетных материалах, повествующих о непосредственных боевых действиях, отразились, с одной стороны наличие глубокоэшелонированной хорошо укрепленной обороны противника, его самурайский милитаристский боевой дух, а с другой решимость, отвага, мужество и огромный боевой опыт Красной Армии. Наиболее эффективно воевали соединения, личный состав которых в основном состоял из подразделений, переброшенных с фронтов Великой Отечественной. Их главной целью было взламывание многокилометровой многополосной сплошной железобетонной фортификации врага.

Несмотря на сложные погодные условия, связанные с проливными дождями на Дальнем Востоке, пустыню Гоби и горные хребты Большого Хингана, преграждающим путь нашим войскам в Забайкалье и Монголии, операция начала развиваться успешно с самого начала. Оперативные сводки Совинформбюро говорили о повсеместном наступлении Красной Армии, несмотря на то, что в приграничье на укрепленных рубежах японцы оказывали отчаянное сопротивление. Здесь уместно будет привести статью И. Грибова «Прорыв железобетонного пояса», опубликованную в «Амурской правде» 25 августа 1945 г. «... Характерен в этом отношении опорный пункт,

созданный японцами на двугорбой горе Верблюд. На этой высоте, почти со всех сторон прикрытой болотами, обвитой тремя реками, японцы построили железный бастион. Они опоясали гору глубокими противотанковыми рвами, окружили её шестью рядами колючей проволоки, в толще гранита оборудовали долговременные огневые точки. Огромные доты были врезаны в скалы и с флангов защищены 15-метровой толщиной гранита. Передние железобетонные стены тяжёлых дотов достигают здесь полутораметровой толщины. Амбразуры закрываются бронированными щитами. Общая площадь сооружений только на этой высоте составляет более 600 квадратных метров. Все огневые точки «Верблюда» – бронированные, похожие на каски колпаки, доты и дзоты – были соединены несколькими ярусами подземных галерей, выдолбленных в граните и облицованных железобетоном. Опорный пункт «Верблюд» не был исключением в японской обороне. Десятки, сотни высоток, прилегающих к восточной части советско-маньчжурской границы, были также оборудованы и также укреплены. В районе Ляохэшань, ныне очищенной от врага, располагался командный пункт дунинского укрепленного района. Он был скрыт в скале и насчитывал 100 бетонных, комфортабельно обставленных комнат, также соединённых между собой подземными галереями».

После прорыва приграничных укреплений тактика советского командования заключалась в стремительных действиях подвижными механизированными корпусами советских бронетанковых и мотострелковых соединений. На Забайкальском фронте в состав советских корпусов входила и монгольская кавалерия.

«... Сражения носили исключительно ожесточённый характер. Особенно тяжёлые бои происходили на основных коммуникациях неприятеля. – Пишет И. Грибов. – Характерен в этом отношении бой за крупный населённый пункт, лежащий на главной дороге к столице Маньчжурии. Сам город и прилегающая к нему железнодорожная станция являлись своеобразными бастионами, прикрывающие дальние подступы к

важнейшим хозяйственным и административным центрам страны... Особенно упорный бой завязался в районе одной высоты, превращённой противником в крупный опорный пункт. На вершине её японцы построили бетонированный колпак в три этажа, куда входило в общей сложности пятнадцать дотов и дзотов. Численность гарнизонов отдельных дотов достигала 60 человек, а прочность сооружения была такова, что на их разрушение требовалось до тонны взрывчатки». Далее автор описывает бой, отражающий основные тактические приёмы штурма красноармейцами большинства подобных укреплений. «Успех ликвидации этого опорного пункта решила тактическая внезапность. Батальон капитана Куренкова, действуя ночью, бесшумно подошёл к высоте. Японцы не успели сделать ни одного выстрела до тех пор, пока наши бойцы буквально не сели на их сооружения. На утро высота была полностью очищена от противника. Бойцы Куренкова, не теряя времени, сели на танки, и форсированным маршем двинулись к городу. После короткого огневого налёта по наиболее крупным очагам сопротивления японцев танкисты вышли на главную улицу города, затем резко свернули влево и оседлали дорогу, идущую вглубь Маньчжурии. Таким образом, японцы лишились пути отхода и вынуждены были принять бой. На территории военного городка среди домов, расположенных на склонах сопок, в тесных проходах танки не имели манёвра. Их выручили стрелки. Они указывали цели, которые необходимо было подавлять. Вражеский гарнизон был полностью истреблён. В районе военного городка осталось несколько сот трупов японских солдат и офицеров».

Однако Квантунская армия не только оборонялась. «День 16 августа на Дальнем Востоке, – сообщало Совинформбюро, – прошёл под знаком контрнаступления японских войск против советских войск». О результатах этих действий можно судить по дальнейшему тексту сообщения: «Войска 1-го Дальневосточного фронта, преодолев атаки японцев, овладели городом Ванцин. В течение дня японцы вели безуспешные контратаки против наших войск, занимающих Сейсин. Войска 2-го Дальневосточного фронта во